

Никифорова Марксена Михайловна
Корреспондент – Флиге Ирина Анатольевна
(29.04.05., 1 кассета, ст. А)

Теперь вопросы, которые у меня остались. Скажите... Я все возвращаюсь к тому сюжету, когда вас во время войны вызвали в НКВД. Вот ваша такая реакция сопротивления, как вы считаете, она была связана с атмосферой войны или нет?

- Нет. Нет. Не была связана.

А вообще, война, блокада, как-нибудь повлияли на ваши взгляды?

- Я не скажу, чтобы... Нет. Пожалуй... Нет.

Никак, да?

- Никак. Война есть война и... Никак... не повлияла.

А вот это ощущение страха после ареста родителей, оно как-то менялось: до войны, во время войны, после войны?

- Нет. Я как вначале думала, так я собственно и думала. Но я все-таки... Для меня все-таки родина, Ленинград – это для меня было, конечно, всё. И мне даже в голову не приходило, что я могу уехать из Ленинграда. У меня даже дядя... Он вообще-то был лучший картограф в стране, он работал здесь на картографической фабрике, и ему предложили уехать. И он пришел и говорит, знаешь что (он одинокий был), если ты поедешь со мной, то я поеду. Я отказалась. Ему там предоставляли площадь, работу, куда его отправляли. Я отказалась. Я сказала, что я не поеду. До сих пор у меня на душе как-то скребет, потому что он остался тоже, и он умер от голода. И в картографической фабрике, там есть у них «стена» погибших во время войны, там есть его фотография.

Скажите, а почему вы не хотели уезжать?

- А потому что это моё родное. Почему я должна уехать? Почему я должна уехать, скажите, пожалуйста? Я здесь родилась, я здесь живу... Я никуда ехать не собиралась. А то, что там немцы... У меня даже в мыслях не было, что немцы могут войти в Ленинград. Я даже этого и не думала. Мне это в голову не приходило. У меня даже так... В сентябре месяце по карточкам вместо сахара давали шоколад, плитки шоколада. И дядя, он наложил руку на этот шоколад, говорит: – Не трогай шоколад. Потому что неизвестно, может быть, нам придется бежать из Ленинграда, и в какие условия мы попадем... А это всё-таки калорийный продукт, который мы должны оставить. И я тогда, помню, подумала, а я никуда не собираюсь уезжать. (Смеется.) Причем, значит, интересно, у меня тётя была зубной врач, стоматолог. Она работала в

больнице Кировского завода. И на работа ей одна сотрудница говорит: - Слушай, немцы придут, надо же Марксене имя поменять, а то её же могут в первую очередь арестовать. Имя у нее такое. Тётя моя пришла и смеется. Говорит: - Мне вот предложили..., сказали, что тебе надо имя поменять. Ну мы посмеялись. Мне даже в голову не пришло такое, что можно мне имя поменять. Мы просто посмеялись и на том дело кончилось. Вот и всё.

Вы знаете, это очень интересно, потому что в других городах, не в Ленинграде, люди же уходили. А потом возвращались.

- Мало того, что уходили. В Москве знаете, какая паника была, мне рассказывали. Это ужас один! Когда немцы подошли к Москве, что было в Москве! Это что-то невероятное! А в Ленинграде все... Ну, эвакуировали детей, эвакуировали работников, имущество, ценности, еще что-то... А, в основном, жители оставались. Никакой паники у нас не было. У меня подруга была, еврейка, Соня Грейтчен такая. Я как-то к ней пришла. Это было где-то в сентябре месяце, наверное. А к ним приехала откуда-то с Украины семья еврейская. Там бежали они от немцев, по дороге стреляли, в общем... Но они добрались до Ленинграда к своим родственникам.... И я видала, какая у него была паника, у этого вот мужчины. Он бегал куда-то. Он прибежал откуда-то, он узнавал, как можно выехать из Ленинграда. То есть это был вообще комок нервов. Он стремился уехать скорее куда-нибудь подальше. А мне так смешно было. Думаю, а куда это он торопится? (Смеется.)

А скажите, как вы это объясняете? Это что – город особенный? Люди особенные? В чем дело?

- Не знаю. Вообще, наверное, всё-таки люди особенные. Это всё-таки, наверное, люди особенные. Я не знаю, в чем дело. Не могу сказать даже. Ну, не могу сказать... Не знаю, чем это объяснить. Но я знаю, что после войны..., я много ездила по стране, и если только мне стоило сказать, что я из Ленинграда, мне место в гостинице обеспечено. Ко мне относятся совершенно иначе, понимаете? Я вот в санаторий приеду, мне всегда лучшее место, мне всегда бесплатные ванны, там, еще что-то... Только стоило сказать после войны, что я из Ленинграда – всё, было достаточно. То есть вот такое было уважение к Ленинграду и к ленинградцам.

А уважение в чем, как вы считаете?

- То вот я говорю. Только стоило сказать, что я из Ленинграда, мне всё было предоставлено в первую очередь.

Ну, а как вы думаете, почему так?

- Я не знаю..., почему вот таким авторитетом, таким уважением пользовался Ленинград и ленинградцы. Не знаю. Не могу вас объяснить.

А как вы считаете, всё-таки почему не уезжали? Почему не хотели ехать в эвакуацию?

- А потому что не верили, что... Например, те кто не уезжали, не верили, что могут в Ленинград войти немцы. Просто не верили в это. У нас между прочим, интересно... На лестнице у нас... У нас был четырехэтажный дом, и на лестнице у нас оставалось всего три семьи. Вот я оставалась..., причем, значит, интересно, и две еврейские семьи. Одна женщина (у нее муж погиб на фронте) с сыном. Она младших детей эвакуировала куда-то с пионерским лагерем... или куда-то... Я не знаю. Оставила старшего сына при себе. А наверху жила у нас женщина (у нее муж воевал в армии) с двумя детьми. Так я помню, она мне жаловалась... Я не знаю, почему... Вот они так ко мне хорошо относились! Вот обе эти женщины. И она мне жаловалась. Говорит: - Марксена, знаете, так трудно жить еврейке всё-таки. Но она не уехала. Потому что муж у нее воевал на Ленинградском фронте. И она не уехала. С двумя детьми она оставалась в городе. И вот эта тоже женщина, она тоже оставалась в городе. Я не знаю, чем это объяснить. Просто, очевидно... Я, например, просто не верила, что в Ленинград могут войти немцы. Я глубоко была уверена, что этого не может быть.

Ну хорошо. А в 42-м году, когда уже... Весной 42-го года?

- Всё равно.

Всё равно люди не уезжали? Даже из голодного... умирающие люди? Как вы думаете, почему?

- Не знаю. Не знаю. Не знаю, почему. Вот, наверное, такая уже русская натура. Я не знаю... (Смеется.)

Но из других-то городов русская натура уезжала.

- Уезжала. Да. Я не знаю. Не могу объяснить. Даже не знаю, чем это... Это какое-то... Не знаю, что... Не знаю, чем это объяснить. Но я знаю вот свои личные ощущения... У меня даже тётя с дядей, которые, собственно, могли бы уехать, они же не уехали тоже. Хотя тётка у меня была трусиха жуткая! Когда у меня родителей арестовали, она из квартиры всё вынесла, даже фотографии своих там дореволюционных военных каких-то приятелей, своих ухажёров... Всё она вынесла из квартиры. Она боялась обыска, и что могут найти... А тут она... Ей даже в голову не пришло... Ни тёте, ни дяде, что можно уехать из Ленинграда. Я с дядей очень близка была. И дядя говорил, что нам даже в голову не приходило, что в город могут войти немцы. Я не представляла такого... Я не знаю, почему... Я не знаю, почему такая уверенность была. Но,

наверное, вот этот дух, вот эта уверенность все-таки, наверное, и спасли Ленинград. Я так думаю...

Вы говорите, что у вас не менялось отношение во время войны.

- Нет. Не менялось.

А вот скептическое отношение к власти, оно когда появилось?

- Какое?

Скептическое отношение к власти.

- А вы знаете, сейчас. До этого у меня... То есть у меня было определенное мнение о власти, но не скептическое, а скорее критическое. А вот скептическое..., скажу откровенно, сейчас. Я не могу... Мне всё это так противно! Вы себе представить не можете! Меня оскорбило, например, вот даже эти путинские 1000 рублей, которые ветеранам войны... Я это восприняла как оскорбление, как подкуп, вы понимаете. Я не знаю! Меня это возмущает! Меня всё это возмущает ужасно! Я тут... «воевала»... Вы даже себе представить не можете! Куда я только ни писала, куда я только ни звонила, вот, сидя дома. То, что тут у нас ломают вот здесь ларьки... Кому помешали эти...? Это не ларьки. Это павильоны. Причем, это частная собственность. Это как я узнала, это женщина за свои деньги построила эти ларьки, и она их эксплуатировала. Так теперь вот ломают! У нас нашу поликлинику и больницу хотели сломать.

Да, да. Это я знаю.

- Слыхала? Так вот тоже... Так я даже прокурору написала. Это уже была вторая попытка. И что не будет третьей попытки, я не уверена. Кому-то нужен этот участок земли. Надо сломать эту больницу... Хотя там мемориальное кладбище. Тоже на этой же территории. Нет! Надо было занять кому-то...Безобразие ужасное! И вообще кошмар! Меня настолько всё это возмущает! Я просто злая, как собака! (Смеется.)

Ну, а вот критическое отношение к власти, оно когда возникло?

- Критическое? Вот сейчас, примерно. Год тому назад..., примерно.

А раньше, вот, Киров, арест отца, арест родителей, война?

- Ну, это я знала причину. Я знала причину, и что бороться с этим, конечно невозможно. Уж если мои родители ничего предпринять не могли, то, конечно, тут... А потом всё-таки Сталин как-то... Можно судить его как угодно, но, конечно, он свою роль в войне сыграл. Это надо признать всё-таки. Да. Своим авторитетом, своей властью он сделал, конечно... Военные много на него жалуются... и жаловались и тогда, я знаю. Потому что иногда задерживались некоторые операции. Надо было эту операцию обязательно согласовать с Верховным. А время уходило... Конечно, много было безобразий в то время... И причем, я это знала тогда. Знала, когда эти штабы и батальоны, которые без

оружия посылают... Вообще же это было постоянно с военными... Как без оружия эти штрафные батальоны отправляли в бой, где они почти все погибали... Это ужасно прямо! У меня даже один знакомый был в штрафном батальоне, он месяца два или три там был. Погиб тоже.

А скажите, вот вы говорили, что вы о репрессиях родителей особенно не говорили. А почему? Вы боялись или стыдно было?

- Я боялась. Нет, стыдно мне не было. Я просто боялась. Нет... У меня все знакомые, родственники, в школе у меня, у меня все знали. Я не скрывала это, я говорила. Но вообще я, конечно... Я боялась... Я вот стала сейчас восстанавливать документы кое-какие, и не могу многие документы найти. Особенно мне жалко, что вот там повестка о выселении из Ленинграда... Я её уничтожила. Я боялась. Думала, если будет обыск, могут найти... Многие документы я уничтожала тогда. Письма, например, брата и детского дома. Там ужасные были письма... Я их тоже уничтожила все.

А вот этот страх, страх чего...?

- Я просто боялась...

Страх ареста?

- Да. Арест.

То есть вы конкретно боялись ареста?

- Да. Я конкретно боялась ареста. И собственно и ждала, что это может быть. Потому что я знаю, что моей знакомой дети, например... Вот, сын Угарова, ему когда 16 лет исполнилось, его арестовали тоже. 18 лет, вот, было Юре, Кадарскому было, его арестовали. То есть я знаю много таких случаев, когда арестовывали детей. То есть я ждала, что я еще пока малолеток так вот, а могут арестовать меня в любую минуту. К этому я была готова. И сделать я ничего не могла. Противостоять я не могла никак.

А когда вы перестали бояться ареста? После войны?

- Нет, позже, наверное... Позже... Наверное, после смерти Сталина. А до этого всё время страх какой-то подспудный был, что может быть... Точно я не могу сказать. Но примерно так. Этот страх всё время... То есть это существовало, это было. Поэтому приходилось этого бояться.

А вы начали говорить, что роль Сталина в войне всё-таки была. А вот в защите Ленинграда?

- Защита Ленинграда? Нет. Защита Ленинграда – нет. Я уже потом по историческим данным.. То есть я знала, что у нас был Ворошилов здесь, командовал фронтом этим. Я о Ворошилове была очень низкого мнения. Поэтому от него ничего хорошего не ждали. Потом был какой-то генерал, по-моему, Кулик. Я не помню. Он нигде сейчас

не упоминается. Что-то он шел со своей армией к Ленинграду, и где-то он застрял. Вот, это были у нас такие... Кулик, я не помню, как его..., значит, нас спасёт... А потом... Потом, когда был поворот, я не знала даже, что у нас Жуков был, уже потом командовал нашим фронтом, я не знала даже. Но поворот в войне, конечно, чувствовался. Но чего это стоило, я знаю. Вообще война вещь жестокая. Говорят, «война не с женским лицом». Это точно. Война вещь жестокая... Знаете, я убедилась в этом лично. У меня вот муж мой будущий.... Значит, я когда с ним познакомилась, вообще такой очень деликатный человек, очень интеллигентный человек. А я ему иногда звонила в штаб. Он был заместителем начальника штаба армии... 42-й. И я ему иногда звонила, когда надо что-то сообщить. А телефона-то у меня не было. Я ходила к дяде. У меня дядя был напротив – директор школы. И у него в кабинете был телефон. И вот как-то в очередной раз я звоню, говорю: - Позовите, пожалуйста, Никифорова. И говорят: - Подождите, пожалуйста, минутку. И трубку положили. И я слышу такой отборный мат моего мужа! Там у него что-то такое не было поставки вооружения, или транспорта, или еще что-то... Он крыл последними словами. А потом он мне рассказывал: когда была Красноборская операция (в Красном Боре), ему надо было срочно доставить снаряды... Там кончались снаряды. А транспорта не было, что-то такое с машиной случилось. Так он остановил гражданскую машину когда, шофер отказался везти эти снаряды. Он приставил ему к виску пистолет, и говорит: - Если ты не повезешь... В общем, крыл его последними словами... - Давай сейчас же грузи и вези! В общем, таким образом приходилось воевать. Это не так всё просто! Думаете, так это по-хорошему! Я извиняюсь, только в кино по-хорошему бывает. А на самом деле в армии воевать надо было... иметь кулак! Говорят, Жуков был очень жесток. А если бы он не был жесток, так он бы не мог достичь того, что он достиг. Жуков вообще... Я как-то в санатории была вместе с одной женщиной. Она вообще врач-стоматолог. Во время войны девочкой она была мобилизована в армию, и она служила в штабе Жукова, он тогда уже был здесь на каком-то фронте... Так она говорит, он настолько был суровый, что мы ходили перед ним на цыпочках. Так он когда приходил... Вообще он работал до изнеможения. Он приезжал откуда-то там с фронта, приезжал, садился, и заставлял меня снимать сапоги, потому что он сам уже шевельнуться не мог. И горячую ванну. Я ему приносила горячей воды, и он делал ногам ванну. Потому что иначе он уже ходить не мог. Вы представляете? Вот так вот. Что значит война... Это всё не так просто.